

— Ешь за счет одного, а служишь другому! — возмутился Фэн Жун. — Если вздумаешь рассказать господину Ли — можешь оставаться в Саду камелий и никогда больше ко мне не возвращаться!

— Вы говорите, господин, и словами будто режете без ножа, — угрюмо увещевал Куань. — Этот слуга только волнуется о вас и вашем благополучии. Да вы и сами знаете, что лезете туда, куда не следует, раз не хотите никому говорить...

Фэн Жун, который в самом деле не хотел, чтобы о разговоре с Мин Цзе стало известно, не нашелся с ответом. Он подумал было притвориться злым, чтобы напугать Куаня и заставить его замолчать, но внезапно сзади раздались торопливые шаги.

— Господин Фэн! — Фэн Жун обернулся, с удивлением заметив, что Мин Цзе, выглядящий странно встревоженным, его догнал. Тут же молодой господин напустил на лицо суровое выражение.

— Чего вам? Я сказал все, что хотел.

— Дело не в том, — ответил Мин Цзе, переводя блестящий странной надеждой взгляд с Куаня на Фэн Жуна. — Господин, я слышал, о чем вы говорили... Я не ошибусь, сказав, что вы упоминали человека, по фамилии Ли?

Фэн Жун удивился, но не подал вида и легко соврал:

— Вам слышалось.

Господин Фэн хотел уйти, но Мин Цзе вновь остановил его:

— Вы говорите о Ли Инчуне? Когда-то он жил со своей семьей на севере столицы, верно? Высокий бледный юноша, непомерно умный и гордый? Он еще с раннего детства болен?..

Невольно Фэн Жун нахмурился. Из всего, что узнали люди поместья Фэн и Пятого принца выходило, что Ли Инчунь никогда, живя в доме родителей, не имел достижений и важных знакомств. Сам господин Ли упоминал, что однажды виделся с Третьим принцем, но смог бы он за это время сдружиться с его подчиненным до той степени, что глаза Мин Цзе вспыхивали пламенем от упоминания его имени? Это Фэн Жуну казалось все более странным, потому он снова повторил:

— Я не знаю, о ком вы говорите.

Молодой господин хотел уйти — но Мин Цзе, поддавшись чувствам, попытался схватить его за руку. Тут же Куань выступил вперед и схватил запястье юноши, крепкой спиной загораживая своего господина. Голос его звучал спокойно, но в нем чувствовалась, словно вспышки молний в грозных облаках, угроза.

— Господин Мин, будьте аккуратнее. Вот так хватать моего господина — кто-то может это неправильно понять.

Мин Цзе поджал губы: было видно, что он крайне взволнован от одного упоминания имени Ли Инчуна, и готов трясти Фэн Жуна за плечи, требуя ответа. Обойти телохранителя юноша, еще не подвязавший волосы, никогда бы не смог, потому Мин Цзе оставалось лишь хмурить густые брови. Подумав мгновение, он впился взглядом в лицо Фэн Жуна, проговаривая:

— Если вы знакомы с ним, передайте, что я хочу увидеться! Мы с ним были хорошими друзьями, я не желаю ему зла — просто хочу поговорить. Некоторые старые вещи... нам надо обсудить их срочно, иначе он наделает ошибок, которые никогда не сможет исправить!

Куань отпустил руку Мин Цзе: не ответив ему, Фэн Жун безразлично обернулся и ушел. В голове его роились сотни вопросов и предположений. Неужели Ли Инчунь и Мин Цзе в самом деле знакомы? Неужели между ними связь такая, что Мин Цзе готов не жалея себя рваться вперед, лишь бы донести до друга предупреждение? Что же в самом деле было в прошлом господина Ли? Не рассказал ли он об этом специально, или у него была веская причина?..

— Не думайте об этом, господин, — тихо сказал Куань, заметив, что Фэн Жун со спокойного шага от беспокойства почти перешел на бег.

— Думаешь, господин Ли соврал о своем прошлом? — спросил Фэн Жун. — Или Мин Цзе пытается его оклеветать?

Куаню не нравился господин Ли: он был резким и хитрым, не знал своего места. Мужчина, однако, не был настолько глуп, чтобы о поступках человека судить лишь из своей неприязни, потому ответил честно:

— Молодой господин, этот Мин Цзе чего-то не договаривает. Подумайте сами: три года господин Ли был в поместье хоу, до его отъезда туда Мин Цзе было около тринадцати: с чего бы человеку, готовящемуся к сдаче императорского экзамена, дружить с ребенком? Если бы они были близки, когда мы искали информацию о господине Ли — наверняка бы и это выяснили.

— Ты прав... — задумчиво пробормотал Фэн Жун и вдруг остановился. Его взгляд скользнул к садовой дорожке: если пройти здесь, потом перейти по открытой галерее к западной стороне дворца и спуститься мимо площади — окажешься в саду, в котором обычно господин Фэн встречался с Первой принцессой. Его, однако, так взволновали слова Мин Цзе, что он не мог сегодня отправиться развлекаться. Ставка Третьего принца не была связана с Цзяньняньским хоу, потому новость о том, что Фэн Жун укрывает пропавшего господина Ли, не могла всплыть — но это лишь если рассуждать просто. В происходящем было слишком много изменчивых переменных, оставив без внимания которые можно было вернуться к первоначальному хаосу. Решив так, Фэн Жун сказал: — Я возвращаюсь в поместье. Расскажу господину Ли и Фу Ичжэню о случившемся: они могут что-то об этом знать. Ты иди к Первой принцессе. Не говори ей, что произошло: скажи, что я занят делами, и приду завтра.

Тем временем Фу Цзя пообщался со вдовствующей Императрицей и ожидал Мин Цзе у ворот. Он был не слишком почтительным внуком, потому не остался во дворце бабушки надолго — не сгорела еще и палочка благовоний, когда Третий принц его покинул. Теперь же, замерев у своей повозки, Фу Цзя небрежно осматривал проходящих мимо, почтительно кланяющихся ему людей, и подумывал уехать — внезапно он заметил, однако, своего Пятого брата.

На лице Третьего принца расцвела легкая улыбка и он толкнул стоящего рядом слугу. Тот быстро сбежал к Фу Ичжэню и пригласил его поприветствовать брата. Издали со своим нежным, миловидным лицом и в обществе седобородого даоса Пятый принц казался отрешенным ото всех мирских дел и глубоко погруженным в себя — лишь когда он кинул на Фу Цзя случайный взгляд лицо его на миг скривилось.

Однако уйти Фу Ичжэнь не мог, потому скоро оказался рядом.

— Третий брат, — сказал он, сложив руки у груди. — Заседание уже закончилось, а ты все еще

здесь... Брат действительно радеет за государственные дела.

— Спокойствие отца для этого принца важнее собственного отдыха, — не остался в долгу Третий принц. — Много всего в этот год произошло на Центральных равнинах: даже мелочи нельзя оставить без внимания.

Фу Ичжэнь насторожился: в последние дни он старательно избегал своего Третьего брата, памятуя, что все еще должен ему услугу — теперь, кажется, Фу Цзя готовился попросить что-то. Невольно Пятый принц порадовался, что уже виделся сегодня со старшей сестрой: если бы от него потребовали что-то, что возможно было только при ее участии, у него было бы время подумать об этом до завтра. Волнение последних дней сделало улыбку Фу Ичжэня резкой, словно в душе он проклинал каждого, кого одаривал ею — небрежная деталь на фоне даосских амулетов, свисающих с пояса принца. Пятый принц не стал оттягивать неизбежное:

— Что брат имеет в виду?

Третий принц улыбнулся и, сделав шаг вперед, взял Фу Ичжэня под руку, словно хорошего друга. Чертами лица Фу Цзя был очень похож на нынешнего Императора, даже в тоне голоса легко было заметить сходство между отцом и сыном, потому Пятый принц чувствовал себя от такой близости грязным, словно к нему прижался не родной брат, а вываленный в зловонной грязи попрошайка. Фу Ичжэню, однако, удалось сохранить ровным заинтересованное выражение лица: лишь стоящий рядом с ним Ян Вэньян заметил, как раздраженно дернулись прямые брови.

— Младший брат должен знать, что в столице сейчас не спокойно, — тихо начал Третий принц.

— Старое поколение великих семей отходит от дел, а новое еще не успело встать на ноги и подхватить дела предков — сейчас отличное время для появления новых фракций и союзов. Старые министры помнят Фэн Яо и Фэн Жуя, семья Минь и Четвертая сестра захватили министерство доходов, военные слушают Цзяньняньского хоу более, чем нашего отца...

— Брат, не стоит говорить такого, — предупредил Фу Ичжэнь. Если бы не высокое положение Третьего принца, за подобные речи его на куски разорвал бы цензорат и императорская гвардия.

— Молчать легко, но я волнуюсь о тревогах отца, — поучительно заметил Фу Цзя. — Он никогда не признается в этом, но подобные вещи не дают ему спать по ночам. Последний месяц в его покои все чаще ходят лекари — я хотел бы облегчить его долю.

— Этот принц не понимает, — поджав губы, ответит Пятый принц.

— Лишить отца одной из тревог — это все, о чем я хочу тебя попросить, — улыбнулся Третий принц и вдруг спросил. — Ты знаешь Лю Гуанмина и Гао Нин?

— Подчиненные Цзяньняньского хоу, — кивнул Пятый принц, вспоминая молчаливую, суровую пару за плечами генерала.

— Не просто подчиненные — самые доверенные друзья, — с улыбкой рассказал Третий принц. — До попадания в армию Пань Таня ни господин Лю, ни барышня Гао не имели особенных заслуг, а вспоминали их лишь как наследников своих великих фамилий. В бою они, однако, восславили подвигами наследие своих предков и заслужили уважение простых людей. Когда Пань Тань вернулся с победой, знаешь, о чем он попросил у Императора? Великодушному генералу не нужны были ни почести, ни слава: он попросил только, чтобы Император благословил брак между господином Лю и барышней Гао.

— В тот момент я только вернулся из путешествия по цзянху, — ответил Фу Ичжэнь. — Помню, как столица обсуждала их свадьбу: военных там было больше, чем благородных господ. Это сочли дурным знамением...

— Но все обошлось, — улыбнулся Третий принц. — Господин Лю работает в военном министерстве и тренирует императорскую стражу, а госпожа Гао присматривает за отрядами, размещенными в лагере за столицей. Несколько дней назад от выезжавшего к ней императорского лекаря стало известно, что госпожа Гао беременна.

Пятый принц почувствовал, как сердце пропустило удар — теперь становилось понятно волнение Императора. Лю Гуанмин и Гао Нин сейчас были известны, как искусные воины с красивой историей любви, однако они оставались так же наследниками огромных семей Лю и Гао: а их ребенок собрал бы в своих руках власть, сопоставимую с императорской. Семья Лю была военной династией, глубоко укоренившейся на востоке, а семья Гао — гражданскими чиновниками, служащими от цензората до министерства обрядов. Кроме того, Лю Гуанмин и Гао Нин были близкими друзьями Пань Таня, высоко почитаемого в армии: если бы их ребенок родился, вне зависимости от пола, Император не смог бы спать спокойно от страха появления на ночном небе нового дракона.

Фу Цзя продолжал:

— После того, как Гао Нин сбежала в армию, семья отказалась от нее, потому, давая согласие на брак, Император не принял во внимание ее положения, однако теперь родственники примирились. Просто разлучить Лю Гуамина и Гао Нин не выйдет, это может обидеть Цзяннаньского хоу, но и дожидаться рождения их ребенка нельзя, — Третий принц улыбнулся. — Я слышал, Пань Тань восхищается Пятым братом и готов говорить с ним в любое время. Если бы Пятый брат намекнул ему о положении дел, Цзяннаньский хоу, думаю, смог бы отговорить госпожу Гао от опрометчивых шагов.

— Брат, — улыбнулся Фу Ичжэнь. — Ты хочешь просить меня убедить Пань Таня уговорить госпожу Гао отказаться от ребенка?.. С чего бы кому-то из них меня слушать?

— Это лишь жест доброй воли с нашей стороны, — улыбнулся Фу Цзя. — Этому ребенку все равно не жить: не умрет он в чреве матери, так вместе с ней через пару лет, когда страх нашего отца превратится в паранойю, — Третий принц наконец отстранился и хлопнул Фу Ичжэня по плечу. — Это небольшое дело: я верю, что ты справишься.

Фу Ичжэнь не был так уж в этом уверен. Пусть в свои годы он мастерски, словно кузнец с раскаленным золотом, умел обращаться со словами, его отношения с Пань Танем никогда не были теплыми и доверительными. Долгое время Пятый принц упорно игнорировал все попытки Цзяннаньского хоу сблизиться, потом выкрал из его поместья человека, потом на некоторое время стал объектом странного интереса... Пусть Фу Ичжэнь явно не был самым неудачным человеком, к которому можно было обратиться с этой просьбой, он не был и самым правильным.

Пятый принц, однако, не думал отказать. Наблюдая, как Фу Цзя, все же не дождавшись своего подчиненного, садится в повозку и уезжает, Фу Ичжэнь испытывал что-то, схожее с облегчением. В эти дни больше прочего он боялся, что Третий принц через него попробует подобраться к Первой принцессе: за всю свою жизнь Фу Ичжэнь доставил ей столько беспокойств и проблем, что не посмел бы тревожить еще и этой, ставшей результатом его необдуманных решений, глупостью.

Однако задумчивость Пятого принца не продлилась долго. Пока он, прищурившись, тяжелым взглядом смотрел вдаль, даос Ян рядом вдруг обернулся в сторону и с радостью приветствовал:

— Господин Фэн! Вы уже едете домой? Неужели Ее Высочество сегодня не пустила вас к себе?

— Даочжан не должен смеяться, — с улыбкой отозвался Фэн Жун. Приблизившись, он огляделся и понизил голос. — Твое Высочество, поедem со мной. Я узнал о нашем общем друге нечто любопытное.

— Он мне не друг, — ответил Фу Ичжэнь: его никто уже не слушал. Фэн Жун по-хозяйски забрался в повозку принца, даос Ян последовал за ним. Пятому принцу, в душе кляня свою несчастливую судьбу, оставалось лишь последовать за ними.

Прибыв в поместье Фэн, молодые люди не стали задерживаться, и сразу поспешили в Сад камелий. Пусть теперь матушка Сяоху и наложница Чжоу знали об этом месте, оно все равно оставалось уединенным и загадочным. Простых слуг сюда не допускали, а за слухи сурово наказывали. Наложница Чжоу могла не любить Фэн Жуна, матушка Сяоху не одобряла его решений — но они были членами одной семьи и, раскройся тайна нахождения здесь Ли Инчуня, пострадал бы каждый.

Сам господин Ли, однако, будто не осознавал своей важности и опасности для поместья. Когда Фу Ичжэнь и Фэн Жун вошли во внешний двор его павильона, их глазам предстала следующая картина: Ли Инчунь и учитель Юань мастерили бумажные фонарики. Даос Чжунчу и Фэнцзи кружили рядом, помогая тоже, и выглядя, словно дети, радующиеся празднику: несмотря на то, что одна была вошедшей в возраст для замужества девушкой, а другой — глубоким стариком.

Связывая рейки бумажного фонаря, учитель Юань говорил:

— Вот посмотришь, он выйдет крепким и взлетит выше всех. Дома я часто мастерю такие на праздник, и младшие дерутся за право запустить мой фонарик...

— Хвались сколько влезет, — отозвался Ли Инчунь, что выглядел в той же степени увлеченным работой. Он, однако, заметил вошедших куда быстрее, подняв подернутые скучающей дымкой глаза — но не прекратив связывать рейки.

Фэн Жун возмутился:

— До праздника фонарей еще много времени, чем вы заняты? — учитель Юань поднял голову и удивленно охнул. — Разве вы не должны заниматься?

— Учитель сказал, что мы можем отдохнуть немного, — бесстыдно рассказал Ли Инчунь. Юань Яо едва не задохнулся возмущением:

— Это была твоя идея!

Господин Ли кинул на него снисходительный взгляд из-под полуприкрытых ресниц и, опустив глаза, сказал:

— Фэнцзи, расскажи, как было.

— Конечно! — тут же вскинулась девушка. — Господин Ли занимался, когда учитель Юань сказал, что не может столько времени посвящать учению и предложил отдохнуть хотя бы

немного. Господин Ли сказал, что учение важно и что чем заниматься кроме него: фонарики вязать? Учитель Юань согласился и принес откуда-то, я сама не заметила, бумагу и рейки: а учителя ведь нельзя слушаться, потому мы все взялись за дело...

— Хватит, — безразлично бросил Пятый принц, когда учитель Юань набрал в тощую грудь воздуха, чтобы оправдаться. Фу Ичжэнь приблизился к замершим молодым людям. Фонарики, что они мастерили, состояли из четырех забранных плотной бумагой граней, на каждой из которых была написана часть загадки. Прочитав ее полностью, можно было дать правильный ответ. Вот, что было написано на фонарике, что собирал Ли Инчунь: «Чем можно поделиться только один раз?». Фу Ичжэнь фыркнул: — Это все, что ты сумел выдумать?

— Ваше Высочество не должен смеяться, — смиренно отозвался Ли Инчунь. — Для Вашего Высочества эта загадка должна быть сущей безделицей, но других она может заставить задуматься. Например, даос Чжунчу, — господин Ли бросил хитрый взгляд на Чжунчу Чэна. — Повторите, какой ответ вы дали?

Даос Чжунчу на миг смущенно замер, но после выпрямился, приняв гордую, возвышенную позу, так подходящую его праведной внешности, и решительно провозгласил:

— Маньтоу, — видя, как непонимание отразилось на лице собравшихся, даос Чжунчу пояснил: — Если отдашь кому-то булочку и он ее съест, ты больше не сможешь поделиться ею.

Пятый принц, не отвечая, смотрел на своего подчиненного. Его красивое лицо исказилось выражением одновременно отвращения и сочувствия, будто он смотрел на животное, которое было слишком глупо, чтобы научиться ходить, но окончить мучения которого тоже было бы очень жестоко.

Вскоре учитель Юань понимающе удалился, а Ли Инчунь, Фэн Жун и Фу Ичжэнь переместились во внутренние покои, жарко натопленные, пологи и занавеси в которых глубоко пропахли запахом чернил и терпких благовоний. Господин Ли шел сам, но опирался на даоса Чжунчу, что смущенно и пристыженно теперь опускал взгляд. Пятый принц с удивлением наблюдал за Ли Инчуном: пусть он видел это уже не впервые, его каждый раз поражало, как этот человек сумел всех вокруг подчинить себе. Чжунчу Чэн помог ему войти в комнату и сесть, Фэнцзи тут же накинула на колени плед и принесла теплой сливовой воды, даже даос Ян без слов сходил в кабинет господина Ли, чтобы принести оттуда некоторые его записи. Внезапно Фу Ичжэнь подумал, что им и Фэн Жуном Ли Инчунь не помыкает только лишь из уважения к их высокому статусу.

— Вы оба вбежали сюда, не чувствуя под собой ног, — между тем, довольно вздохнув, сказал Ли Инчунь. — Что-то случилось?

— Вы сразу поняли: так почему ничего не спросили с порога? — улыбнулся Фэн Жун. Господин Ли небрежно отмахнулся:

— Рядом был Юань Яо, да и если бы это было что-то ужасающее, вы сказали бы сразу. А так, выходит... — Ли Инчунь внимательно взгляделся в выражение сомнения, но и неловкости на лице Фэн Жуна. — Что произошло?

Фэн Жун на миг замялся. Он не знал, как самом деле, что должен был сказать. За проведенное вместе время молодой господин Фэн стал доверять Ли Инчуню: пусть тот был зачастую высокомерным, злопамятным, хитрым, и приличия учил лишь для того, чтобы нарушить каждое, Фэн Жуна не верилось, что в остальном он станет обманывать. Возможно, так говорил в молодом господине его опыт, а может — не успевшая еще истрепаться вера в людей, но ему

не хотелось предполагать, что Ли Инчунь ему лжет. Скорее всего, что-то недоговаривает Мин Цзе.

— Сегодня я виделся с Мин Цзе, доверенным Третьего принца, — честно сказал Фэн Жун. Он старался говорить уверенно и не показывать, будто в чем-то сомневается, но все одно глаза молодого человека опустились к гладкой столешнице. На столе между Ли Инчуном и молодыми господами стоял бронзовый кувшин со сливовой водой: на его покато боку изображены были узоры, что, несмотря на собственную простоту, путались, словно дымные кольца. — Так вышло, что я назвал вашу фамилию, а он услышал. Тогда Мин Цзе сказал, что знает вас и является вашим близким другом.

Ли Инчунь не задумался даже на мгновение.

— Это ложь, — просто отрубил он, не меняя выражения лица. — Я узнал об этом человеке не так давно, из рассказов Юань Яо. Когда бы мы успели подружиться?

Фэн Жун закивал:

— Я тоже так подумал. Но говорил он очень убедительно: упомянул ваше имя, дом вашей семьи, даже вашу болезнь... Я не выдал вас, сказал, что такого человека не знаю, но он был очень взволнован, кричал, что вы хорошие друзья, и что ему с вами непременно нужно встретиться.

— Ах, так господин Ли все же не все нам о себе рассказал, — притворно вздохнул Пятый принц. Ли Инчунь изогнул бровь:

— У меня не было ни повода, ни намерения вам в чем-то врать. Я никогда не знал никого, по фамилии Мин. Это все... — внезапно Ли Инчунь замолчал и нахмурился. Выражение скуки, всегда незаметной складкой прячущееся в уголках его губ, сменилось на настороженность.

Чжунчу Чэн в стороне, что внимательно прислушивался к разговору, шепотом спросил:

— Что? Почему господин Ли замолчал?

— Дурак, — покачал головой Ян Вэньян. Он тоже не понимал многого, во многом был слеп, словно амбарная мышь, но тихим голосом пояснил для даоса Чжунчу и любопытно вытянувшей шею Фэнцзи: — Господин Ли не знает Мин Цзе, но у того к нему уже есть какие-то счеты — разве это не тоже самое, что произошло между ним и Цзяннаньским хоу?..

Маленький театр:

Мин Цзе: Ах, ну я правда никогда ничего плохого не хотел... Что с Яньлинь, что с Инчуном: почему все мои действия истолковываются превратно?...

Ли Инчунь: Он очень подозрительный.

Фу Ичжэнь: Крайне подозрительный.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод